

Алексей Гор

Последний ландскнехт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Гор

Последний ландскнехт

«Автор»

2026

Гор А.

Последний ландскнехт / А. Гор — «Автор», 2026

Алкоголь, порох и старые шрамы. Ветеран ландскнехтов говорит слишком откровенно, а его благодарный слушатель ждал этой встречи слишком долго. Финал, который не забыть.

© Гор А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Таверна «Под орлом», Нюрнберг, 1660 год	5
Оружие и ад	6
Боевые будни и мытарства новичков	9
Сражение	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Последний ландскнехт

Таверна «Под орлом», Нюрнберг, 1660 год

Антуан ДелаMBER ждал этого дня очень долго.

Сперва он нашёл слепого трубача на рыночной площади. Тот сидел на обломке колонны и крутил в пальцах медную монету.

– Ищи за восточными воротами, — сказал трубач и больше не проронил ни слова.

Потом ДелаMBER наткнулся на старого маркитанта. Торговец гнилым сукном и заплесневелыми сухарями указал на таверну.

– Там, — сказал он и сплюнул сквозь зубы. — Но он мрачный как хвост Люцифера. Его побаиваются.

Потом — хозяин дома. Низкий, лысый, с лицом, изрытым оспой. Он махнул рукой в угол.

– Вон, сидит. Пьёт. Уже третий год.

ДелаMBER посмотрел туда.

Старик сидел за деревянным столом, повернувшись к стене. Левую руку держал под столом — позже ДелаMBER увидит, что на ней не хватает двух пальцев. Правая лежала на столе. Крупная, с распухшими суставами, ввевшимся в кожу серебряным кольцом. Лицо его пересекали шрамы: один через правую бровь, другой по скуле, наискось, от уха до угла губ.

Ему было под семьдесят, может старше, но плечи ещё держали некогда богатырскую осанку. На нём был старый кожаный колет, перешитый из военного мундира, и стоптанные сапоги, которые помнили ещё Тридцатилетнюю войну.

ДелаMBER подсел. Заказал две кружки эля — двойную порцию и закуски к нему из солёных овощей. Старик не повернулся, но кружку взял. Пальцы у него были тёмные, ввевшаяся в кожу пороховая гарь не отмывалась уже десятилетиями.

– Ты не здешний, — сказал он глухо. — Франк?

– Из Парижа, — ответил ДелаMBER.

– Из Парижа..., — старик прислушался к произношению собеседника, будто что-то в нём ему показалось то ли странным, то ли знакомым.

– Я служащий «La Gazette», самой влиятельной газеты Франции. Есть идея написать статью о последних ландскнехтах. Вы, сударь, вполне возможно, он самый и есть. Последний ландскнехт.

Старик хмыкнул. Или закашлялся.

– Газета? Это как хроника? «Последний ландскнехт»? Хех... Может быть.

Он назвал Яоханном Грюнвальдом. Родом из Эльзаса. В ландскнехты пошёл мальчишкой — сбежал от дяди, который морил его голодом. Говорил он с трудом, будто слова застревают в горле.

– Спрашивай, что хотел, француз, — сказал он и впервые повернул голову. — Спрашивай, как мы жили. Как убивали. Как умирали.

Он отхлебнул эля. Поставил кружку.

– У меня ещё есть остатки памяти, — добавил он. — Что-то помню в деталях, а что-то — забыл. Лучше бы совсем уже ничего не помнил.

Оружие и ад

Деламбер задал первый вопрос о боях.

Старик долго глядел в кружку. Потом неожиданно произнёс:

— Знаешь, почему алебарда лучше меча? Потому что ею можно рубить, колоть и тянуть на себя. Меч — это для офицеров. Алебарда — для мясников.

Он рассказывал о том, как впервые ударил человека. Швейцарец под Нёрдлингеном. Тот упал сразу, даже не закричал. Просто захрипел и затих. А он, Йоханн, стоял над ним и не мог отвести взгляда. Потом пришёл фельдфебель. Перевернул тело ударом ноги, вытащил кошелек и бросил ему: «Твоё, парень. Бери, пока другие не увели».

Я не спал три ночи, — сказал старик. — А на четвёртую уснул. И с тех пор сплю спокойно. Так быстро человек привыкает к убийству. Быстрее, чем к пьянству.

Он говорил о том, как однажды он добежал до рва, оглянулся — а за ним никто не побежал. Потому что все были убиты.

— Я стоял на коленях, — он поднял левую руку, показал обрубки. — Бил алебардой наугад. Потом наши подошли. А я остался без пальцев.

— Я слышал ужасные рассказы про ландскнехтов! - произнёс Деламбер. - Как вы грабили гражданских, пытали их, чтобы узнать, где их ценности, насиловали! Насколько это правда или неправда?

Йоханн ставит кружку на стол. Стук получается тяжелее, чем нужно. В его взгляде мешается что-то — усталость, стыд, злость.

— Ты задаёшь вопросы, на которые я не могу ответить чистой правдой, француз. Потому что чистая правда — она как удар остроги: входит легко, а выходит с мясом.

Он замолкает. Правая рука перестаёт вертеть кольцо.

— Да. Мы грабили. Да, мы пытали. — Голос становится глуше. — Насиловали — да. Но не все и не всегда. И не так, как рассказывают сейчас те, кто в жизни не видел живого ландскнехта.

Он тычет пальцем в стол.

— Слушай сюда, парень. Ландскнехт — это наёмник. Ему не платят жалованье за красивую форму. Ему платят за то, что он держит строй, когда в него летят ядра. А жалованье всегда задерживают. Иногда на месяцы. Иногда полковник вообще сбегает с кассой.

Чем мы жили? Добычей. А где взять добычу, как не у крестьян и горожан? Они прячут серебро в печи, в подполе, в навозной куче. Спросишь вежливо — не отдадут. Пригрозишь — отдадут не всё. Прижжёшь пятку — вспомнят, где зарыли.

Я не говорю, что это правильно. Я говорю, что это был способ выжить. Ты когда-нибудь голодал три недели, француз? Когда кишки сводит так, что ешь сырую крысу? После этого крестьянская курица или девичья честь — это уже не грех, а плата за то, что ты ещё дышишь.

Старик отводит взгляд.

— Я не насиловал. Можешь верить или нет. Но я стоял в оцеплении, когда другие это делали. Не останавливал. Значит — виноват.

Был у нас капитан, Фриц Мауер. Он специально отбирал в свою роту зверей. Они вешали детей на воротах, чтобы родители показали, где золото. Я таких ненавижу. Но командир сказал: «Грюнвальд, твоя ненависть не накормит полк».

Знаешь, кто был самым жестоким? Не ландскнехты. Настоящие звери — это бургундцы и испанцы. Мы, немцы, были ещё... умеренны, чтоб меня! Но... — он вздыхает, — «умеренны» — слабое утешение для тех, чьи амбары мы сожгли.

Он поднимает взгляд.

— Ты хотел правду, француз? Вот она: ландскнехты не были святыми. Мы были шайкой оборванцев, которые умели умирать в строю. А жить мы умели только за чужой счёт. Напиши и это. Но напиши и то, что те, кому платили вовремя, почти не грабили. А те, кому платили гнилым сукном — да, они жгли и пытали. Потому что иначе было никак.

— Как вы решали — кто будет копейщик, кто алебардист, кто мечник, а кто аркебузир? Йоханн откидывается на спинку — стул под ним жалобно скрипит, но терпит. Он сжимает и разжимает свою левую руку с обрубками, будто только что её обнаружил.

— Решали? — переспрашивает он. — Никто ничего не решал, французик. Решали обстоятельства. И деньги. Как новичок попадал в род войск?

Он загибает пальцы:

— Копейщик — это почти все новички сначала.

В любой ландскнехтской роте основой была пика. Древко — три метра, наконечник — полметра. Ставили в строй новичка почти всегда копейщиком.

Почему? Потому что научить человека держать пику и не смыкать глаз можно за две недели. Научить его фехтовать мечом — за полгода. Из мушкета метко стрелять — ещё дольше.

Большинство начинали копейщиками. Если выживали — смотрели дальше.

Алебардист — для крепких. Алебарда короче пики. Бой ею сложнее: ты не просто тыкаешь вперёд, а рубишь сверху, снизу, тащишь врага за древко.

Кого ставили в алебардисты? Тех, кто был силён, но не очень умён? — он усмехается. — Нет. Тех, кто боялся копейного строя. Потому что алебардисты стояли за копейщиками и добивали тех, кто прорывался. Там было теснее, грязнее, но психологически легче — ты не первый, кто принимает удар.

Я сам начинал копейщиком, потом переквалифицировался, мать его. Не потому, что боялся. Просто у меня глаза стали плохо видеть вдаль, а алебардой надо бить вблизи.

Мечник — почётно, но редко.

Меч — это для офицеров, для доппельзольднеров-двуручников и для тех, кто служил уже много лет, а таких бойцов обычно мало - с птичий хрен.

Чистых мечников у нас было очень немного — человек десять на роту. Они прикрывали фланги или ходили в «потерянную роту» на прорыв. Там смертность была выше всех, поэтому им платили двойное жалование и сами они редко доживали до третьего боя.

Йоханн понижает голос:

— Я видел, как один мечник из нашего полка получил от швейцарца прямо в живот. Тот просто вышел из строя, раздвинул копьё — и ударил. Мечник успел его зарубить, но сам истёк кровью у стены. Его похоронили с почестями. Таких мы уважали.

Аркебузир — это или хитрец, или неудачник.

Кто шёл в стрелки? Худые и низкорослые. Силы для пики у них не хватало, а верткость — да.

Бывшие горожане. Те, кто умели обращаться с оружием до прихода в полк — охотники, стражники.

Трусые. Да. Аркебузой можно стрелять из второго-третьего ряда. Там опасность меньше. Правда, стоят они тоже меньше — не двойное жалование, а обычное.

Но были среди стрелков и звери. Я помню одного — Клауса из Майнца. Он с тридцати шагов попадал в монету. Если монету держать в руке. Этого боялись и свои, и чужие.

— А кто решал?

— Вербовщик смотрел на тебя — на руки, на плечи, на то, как ты стоишь. Потом говорил: «Иди в копейщики». Или: «Держи аркебузу, раз такой вертлявый».

Через месяц капитан пересматривал новичков. Если ты оказывался слаб для пики — переводили в обоз или в стрелки. Если слишком умён для строгого строя — давали меч.

Йоханн пьёт, ставит кружку.

— Короче, я не выбирал. Просто взял то, что дали. И не жалею — почти. Потому что алебарда спасла мне жизнь больше раз, чем я мог надеяться.

Боевые будни и мытарства новичков

Йоханн смотрит, как пенится свежее пиво, и кивает — то ли собеседнику, то ли Господу Богу. Делает глоток, другой. Глаза становятся чуть теплее.

— Обычный день... — он задумывается. — Какой день назвать обычным? Походный? Или когда стояли на зимних квартирах?

Он решает рассказать и то, и другое.

— Зимние квартиры (когда повезло).

Зимой, если полковник не дурак, мы стояли в каком-нибудь городе или большом селе. Нас расквартировывали по домам. Хозяевам это не нравилось, но они терпели — за деньги или за то, что мы не грабили.

Вставали с рассветом. Сначала — проверка оружия. Каждый чистил свой «блеф» — аркебузу или пику. У кого пика — тот проверял древко, у кого меч — точил.

Потом — завтрак. Что бог послал: каша, хлеб, если повезло — кусок сала или сыра. Пиво с утра — обязательно, потому что вода в чужих домах не всегда чистая.

Еды никогда не хватало, парень. Мы не дошли с голодухи, но и не были с полным брюхом, мать его.

После завтрака — смотры и учения, мать их. Не каждый день, но регулярно. Строили нас на площади, полковник или его лейтенант проходили вдоль шеренг, проверяли, кто напился, кто спрятался. Потом — «построение» и «отражение кавалерии». Это было как сраный танец, который мы знали наизусть, дьявол его забери.

После обеда (если он был) — свобода. Кто шёл в кабак, кто к женщинам, кто играть в кости. Я, например, часто чинил сбрую или перешивал дыры на камзоле. Деньги, если были, быстро уходили на карты или пиво.

Вечером — отбой. Хозяева запирали дверь на засов, но ландскнехта на засове не удержишь, если он захочет выйти. Хехе...

Такая жизнь была... грязной. Но своей.

Поход (когда не везло).

А в походе... — он хмыкает, — в походе дня не было. Была бесконечная дорога.

Вставали затемно, пока не рассвело. Сворачивали палатки (если они были). Погружали повозки с боеприпасами и походной кузницей. Шли. Часами. В жару, в дождь, по колено в грязи.

Пика, мать её, весила пять килограммов. Через час ты чувствовал её как десять. Через три — ты готов её бросить. Но не бросал, потому что без пики ты никто.

Обед — на ходу. Кусок хлеба, кусок сыра, глоток пива из фляги. Иногда — мёрзлое мясо, которое жуёшь, чтобы заглушить голод.

Если приближался враг — разворачивались в боевой порядок. Учили нас это делать за минуту. Кто не успевал — того враг убивал.

Ночевка — под открытым небом, если не успели к городу. Спали вповалку, прижавшись друг к другу — для тепла. Оружие рядом, на поясе или под головой.

В походе мы не мылись. И не меняли одежду. Виши нас ели живо. Чесались ночами так, что стонали. Но к утру вставали и шли дальше. Потому что остаться — умереть от голода или от рук своих же мародёров.

— Было ли такое, что ветераны издевались над новичками?

Йоханн берёт кружку, но не пьёт — смотрит на неё, как на волшебное стекло, через которое видно прошлое.

— Да, но не совсем так, как ты имеешь в виду. У нас не было казарм, паря. Не было годами устоявшихся полков, где одни и те же люди живут вместе по десять лет. У нас текучка.

Люди умирали, уходили, нанимались новые. Издевательства над новичками — это для тех, у кого есть время скучать.

Но кое-что было.

Он погибает пальцы — не спеша, но тяжело, словно удары молотом:

— Обдиралово новичков. Пришёл новичок — молодой, зелёный, денег нет, оружия нет. Ему давали самое плохое копьё, самую грязную палатку. Ставили в первую шеренгу — там смертность выше.

Бывало, что ветераны отбирали у новичка ужин. Скажут: «Ты всё равно умрёшь завтра, чего тебе жратву переводить?».

Или заставят его чистить оружие за десятерых. Или ночью поднимут: «Твоя очередь костёр караулить» — хотя он только что сменился.

Я сам так делал, парень. Не горжусь. Но тогда казалось — правильно. Выживает сильный. А сильный должен уметь терпеть.

— А что, если новичок жаловался?

— Кому? Капитану? Тот скажет: «Разберусь». А разбирался он так: собирал ветеранов, спрашивал: «Это правда?» Ветераны говорят: «неправда, он сам обжора и лентяй», хех.

Новичку говорили: «Учись дружить, а не ябедничать».

Могли и побить. Не насмерть. Для острастки. Ландскнехт — он, как волк. Стая чует слабого. А слабого — или грызут, или он сам уходит.

— А были ли те, кто защищал новичков?

— Редко. Но были. Один наш фельдфебель, старый Рихард, не давал новичков в обиду. «Вы, — говорит, — на них не смотрите, что они зелёные. Они — наше завтра. Если вы их сегодня сломаете, кто завтра рядом с вами встанет?».

Его слушались. Он был справедливый, мать его. Бил больно, но за дело. А за просто так — нет.

После его смерти (пуля в горло под Брейтенфельдом) издевательства над новичками вернулись. Но уже не так люто. Потому что новички быстро учились давать сдачи.

— А как новичок мог ответить?

— Самый простой способ — выиграть в кулачном бою. Побить ветерана при всех. Тогда тебе — почёт. Тебя не трогают. Даже уважают.

Я сам, когда пришёл, был тощий. Меня обижали недели две. Потом я в драке откусил мизинец обидчику. Больше ко мне не лезли.

В целом, слабых не любили. Если человек плохо ел, плохо дрался, боялся строя — его высмеивали. Могли и выгнать из палатки спать под дождь.

Но если новичок был храбр и не ныл — ему прощали неумение. «Научится», — говорили ветераны.

Самое страшное наказание для новичка — одиночество. Когда с тобой никто не разговаривает, не делится едой, не смотрит в твою сторону. Это хуже, чем побои, франк.

Йоханн берёт кружку. Наконец пьёт — залпом.

— Ты спросил про издевательства над новичками? Я ответил. Хотел бы сделать какой-то красивый вывод про это, но знаешь... Просто запомни: у нас это называлось «выживание». Не издевательства, а проверка. Кто не выдерживает — тому не место в строю. Жёстко? Да. Но в сражении жёстче.

Сражение

— А когда начинался бой... — старик качает головой. — Это не день, это жопа в мыле.

Утром — построение. Заряжают аркебузы. Проверяют спицы у щитов (если они есть). Командир говорит короткую речь: «Мы сегодня едим в том лагере», — и показывает рукой на врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.